

так случилось, что стали чем-то сказочным для нас чай, кофе, варенье, настоящий сахар, белый хлеб, сыр, масло коровье, масло прованское, яйца, мясо, рыба, — даже рыба, хотя перед нами целое Средиземное море, — что мы (и мы сами и наши знакомые) со смехом и стыдом рассказываем друг другу, что вот нынче нам снилась во сне ветчина, а вчера колбаса!* Представьте же себе при всем этом, каково жить теперь у нас всякому больному человеку, а с язвой в желудке особенно. И что было бы, если бы у меня не было возможности добывать для В<еры> Н<иколаевны> великими правдами и неправдами то кусочек масла, то горсть рису, то пучок макарон, то пакетик бисквитов? А ведь возможность эта (так же, как возможность купить дров для кухни, заплатить часть налогов и квартирной платы и т.д.) явилась у меня *благодаря Вам*: ведь это *Вы* указали мне Викандера и говорили с ним, *Вы* хлопотали в Ноб<елевском> Комитете и в Шведск<ой> Академии... Никогда не забуду, дорогой Сергей Анатольевич, всего этого, как и всех Ваших хлопот в прошлом году, признателен Вам до глубины души. От Викандера я получил около 10 тысяч франков, от шведского консула в Марселе 3 тысячи (он известил меня, что для меня у него имеется 6 тысяч, но прислал пока 3, написав, что остальное будет высылать мне «по мере моих нужд», ставя меня таким образом в очень грустное и постыдное положение — сообщать ему о моих «нуждах»). Эти полочки прямо спасли меня, и прежде всего по отношению к В<ере> Н<иколаевне>, — спасли во всяком случае до поры до времени: половина полученного уже ушла из моих рук, — одно лечение чего стоит по нынешним временам! — но все же я, как говорится, «воспрянул духом». Страшно, что будет месяца через два, ну, да что ж о том думать!

То, что *Вы* пишете о Зурове и о художнике Толстом⁵, для меня никак не подходит, — как я могу *через Зурова* просить что-нибудь у *какого-то Толстого*! Не приходится говорить и о парижских издателях. С ними — и самыми лучшими — у меня были хорошие дела, они издали в свое время чуть не десять моих книг⁶, но мало ли что было! Теперь мы имеем право посылать в Париж только одни открытки о своем здоровье или нездоровье, больше ровно ничего⁷. Посылать книгу для перевода через Швейцарию тоже дело неподходящее, да и кому нужны сейчас во Франции какие-то русские рассказы, не говоря уже о том, что скоро у нас не будет бумаги даже для газет? Не до издания русских рассказов теперь и Америке, из которой вообще всякая помощь мне теперь кончена⁸. Пишу в немецкую Швейцарию, прося знакомых поискать мне там издателя⁹, — это единственная моя надежда, но очень слабая: и Швейцарии не до чтения теперь! Напишу и во французскую, Екатерине Дмитриевне¹⁰, но она что-то давно, давно молчит, — месяца два тому назад сообщила мне о своих тяжелых болезнях, а с тех пор вестей от нее нет (что меня очень беспокоит), — это во-первых, а во-вторых, и Женеве я сейчас нужен, как собаке пятая нога. Что до г-жи Загер, то писать ей не буду, не могу — уж слишком тяжело и стыдно обивать еще один порог, да она, верно, уже слышала, что мне помогли, и может даже возмутиться: вот, мол, бесстыжий и ненасытный человек, получил уже целую «уйму» денег и опять лезет!

Обнимаю Вас сердечно.

Преданный вам Ив. Бунин

P.S. Все-таки я никак не могу понять, почему ни наследник моего прежнего шведского издателя, ни какой-либо другой издатель не находит никакого интереса издать какую-нибудь мою новую книгу, — ведь все-таки я шведский «лауреат» и пишу довольно занятно, — например, мою книгу о Толстом, с большим успехом изданную три года тому назад в Париже и по-русски, и по-французски («La Délivrance de Tolstoï», Édit<ions> Nouvelle Revue Française¹¹), или мои новые рассказы (часть которых *Вы* знаете и которые ничуть не менее «приличны» для шведской публики, чем все мои прежние, изданные в Швеции, и легко могут быть «смягчены» мною). Вот уже два доктора сказали мне, что и В<ера> Н<иколаевна>, — все равно, что бы у нее ни обнаружилось, — и я с моей мертвеей рукой и все усиливающейся «куриной слепотою» должны бы были поехать на поправление в

* Картофель (даже самый дурной) у нас теперь на вес золота; маслины, апельсины и лимоны — великая и очень дорогая редкость.